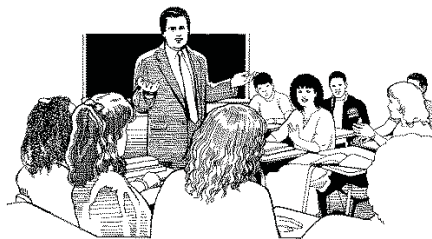

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

С.Л. ТЕРЕНЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОБЛАЗНЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди понятий, посредством которых пытаются зафиксировать своеобразие современной культуры, качество и характер протекающих изменений, есть и понятие «соблазн». Стратегии обольщения сегодня пронизывают все сферы социальной действительности (политику, экономику, искусство, межличностные отношения и т. д.), что дает основание определять современное общество не только как общество потребления, постиндустриальное, информационное, но и как общество соблазна. Что есть соблазн? Как и почему происходит переход от негативной оценки этого события (соблазн как преступление, отклонение от истины) к признанию его положительной значимости, ценности? Целью данной работы и является концептуализация феномена соблазна, а также анализ механизмов и условий его трансформации в пространстве современной культуры.

Понятие «соблазн» восходит к Библии, к событию первого грехопадения. Змей соблазняет Еву, Ева — Адама. Это событие и задает изначальную матрицу осмысления и оценки соблазна. Слово «соблазн» происходит от греческого δκάνδαλον — «скандалон», означающего буквально крючок с приманкой; ловушку вообще; препятствие на пути, которое сбивает с толку, останавливает или приводит к падению.

В структуре библейско-христианского соблазна можно выделить субъект (соблазняющий) — активно-целеполагающее начало и объект (соблазняемый) — пассивно-воспринимающую сторону. Субъект соблазна всегда имеет некоторую цель, достичь которую он может, соблазнив другого. Соблазн целенаправлен, но цель его внеположена самому событию. Он лишь средство в корыстной игре соблазнителя. Результатом этой игры является нравственное или религиозное падение жертвы.

Данное понимание соблазна просуществовало века и было модифицировано С. Кьеркегором (Киркегором). В «Дневнике обольстителя» он акцентирует искусственность, выстроенность соблазна, который выступает как особая стратегия взаимодействия с миром — стратегия эстетика. Эта стратегия призвана интенсифицировать чувственность субъекта. Только в игре соблазна он способен ощутить полноту, вкус жизни, осмысленность существования. Цель соблазна заключается в самом соблазне. Именно игра обольщения, ее перипетии и доставляют наслаждение, духовное удовольствие. Пересматривается Кьерке-

Светлана Леонидовна ТЕРЕНЯ, ассистент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета.

гором и баланс выигрыша-проигрыша в структуре обольщения. Жертва соблазна, как и в библейско-христианской традиции, остается объектом манипулирования: она воспринимает импульсы, посылаемые искушителем, и реагирует на них, попадая в расставленные для нее ловушки, заглатывая все крючки. Однако нельзя утверждать, что соблазнившийся не получает в этой ситуации никакой выгоды: вступив в игру (оступившись) он выпадает из повседневности, скучной монохромной реальности. Вот как описывает Кьеркегор состояние Корделии (жертвы), вступившей в игру обольщения: «Глаза смыкаются, кругом настает ночь, а внутри ее светлый день!» [1, 124]. Особая темпоральность соблазна — ступение, замедление, отсрочка или, наоборот, бешенное ускорение ритма событий — восхищает (похищает) человека, одаряя его богатством и полнотой чувственной жизни, делая его не только жертвой, но и сообщником соблазнителя. «Она похожа теперь на Афродиту, олицетворяя собой и телесную и душевную гармонию красоты и любви, с тою лишь разницей, что она не покоится как богиня в наивном и безмятежном сознании своей прелести, а взволнованно прислушивается к биению своего переполненного любовью сердца...» [1, 198]. Выход же из игры соблазна отмечен и разочарованием (падением) жертвы, и фрустрацией, утратой смысла и целей соблазнителем. И хотя для Кьеркегора позиция эстетика является только низшей ступенью развития личности, он отходит от однозначно негативной оценки события соблазна, существовавшей ранее, и от однозначного решения, кто в этой ситуации извлекает выгоду.

Дальнейшая трансформация матрицы соблазна связана с психоаналитической традицией, в которой соблазн предстает как власть дискурса соблазнителя, способного совратить любую женщину, т.е. изменить ритм и траекторию ее движения. Современный психоанализ интересуется в первую очередь фигура соблазнителя, именно ему посвящена книга Ю. Кристевой «Истории любви». Жертва же оказывается незначим: каждая новая женщина лишь очередная ступень, ведущая к недостижимому. Соблазнитель гонится за ускользающим, но безмерным источником желания, невозможным объектом [2, 195, 202]. Ускользающий первичный объект желания, согласно Кристевой, проявляется как языковая, риторическая фигура обольщения, расположенная в пространстве нерепрезентативного, — это зияние, пустота. Слепленность, замороженность недоступным и неразличимым первичным объектом желания заставляет соблазнителя выстраивать бесконечную цепочку эрзац-объектов, заменителей, не способных обеспечить полноту удовольствия. Для демонстрации символической слепоты соблазнителя неклассический психоанализ привлекает образ слепого Купидона; в ренессансной иконографии (Треченто и Кватроченто) он изображается с повязкой на глазах, с тетивой, увешанной завоеванными сердцами и с дьявольскими когтями. «Фигура слепого Купидона прочитывается, во-первых, как аллегория иллюзорного и мнимого, противоположная метафоре подлинности любви и ее причастности к идеальному. Во-вторых, как аллегория негативного, скрытого в эресе. Именно Ренессанс сумел уловить и отрефлексировать момент иллюзорности, пустоты и зияния, приводящий в действие моторику соблазна. Процесс соблазнения предстает развернутой метафорой слепоты» [3, 110]. Психоанализ разделяет негативное отношение к соблазну, помещая его в поле подлинного-неподлинного: соблазнитель в процессе анализа должен прозреть, и тем самым работа соблазна будет приостановлена. Кристевой, как, впрочем, и Кьеркегором, отмечается, что успех соблазна возможен только в письме, в сфере поэтического языка, в реальности он всегда завершается фазой пресыщения и скуки, т.е. провалом.

Постмодернистская философия, наследуя кьеркегоровскую и психоаналитическую традиции, в то же время радикально трансформирует их. Соблазн начинает рассматриваться не как одна из возможных, необязательных и где-то даже ущербных (отклоняющихся от истины) стратегий взаимодействия

с миром, но как всеобщая форма обращения, существования этого мира. Соблазн, по мнению Ж. Бодрийяра, постулирующего культурогенную роль данного феномена, знаменует уход от диктата очевидного, логики, порядка — Закона в мир видимостей, игры, тайны — свободы. Пытаясь прояснить структуру и значение соблазна, он обращается к анализу культуры модерна. Последняя, отстраиваясь метафизикой потаенной истины и ее откровения, полагает, что скрытое обязано стать явным, все двусмысленное и неясное должно быть устранено как несоответствующее истине. «Реальное превращается в умопомрачительный фантазм точности» [4, 72]. Картографирование реальности, ее производство — выведение на свет все и вся — зависит от разрешающей способности нашего взгляда. Реальность держится на необратимости смысла (поступательное, линейное приращение) и, следовательно, на необратимости знаков.

Культура модерна провозглашает конец всем тайнам, двусмысленностям, неопределенностям — воображению при таком избытке реальности нечего добавить (хотя само же модернистское искусство демонстрирует невозможность тотального устранения двусмысленности и неопределенности из человеческого сознания и существования). Соблазн отрицает производство — этого бога модерна, с его требованиями исчислимости, эффективности, успешности и строится не на отношениях экономии, а траты. В игре соблазна нет цели — только повышающиеся ставки, в топку которых может быть брошено все: наше тело, удовольствие, даже сама жизнь. Нет закона и, следовательно, нет его нарушения (религиозное или моральное осуждение более невозможно): пространство соблазна отстраивается правилами (условными, негласными, но обязательными), нарушив которые, вы просто выбываете из игры. Соблазн держится на обратимости и неопределенности знаков, освобожденных от служения интерпретации. В соблазне нет глубины, он весь поверхность, видимость — обманка, недостаток измерения которой и очаровывает нас, высвобождая воображение из-под власти производства и смысла. Обратимость знаков соотносится и с обратимостью позиций соблазнителя-соблазненного. По мере разворачивания игры обольщения субъект и объект постоянно меняются местами, ролями, позициями. Бодрийяр определяет соблазн как «драматургию без субъекта»: в структуре обольщения «соблазняя, мы всегда расплачиваемся тем, что сами поддаемся соблазну» [4, 218]. Достаточно вспомнить феномен поп-кумиров, которые при соблазнении миллионов сами обольщаются и питаются их поклонением.

Как уже говорилось, соблазн строится на обратимости знаков, сломе интерпретации, притягательности «незначащего означающего». Усталость современной культуры от смысла (боязнь смысла), диктата его однозначности, принудительности, всеобщности заставляют ее искать спасения в необязательном, незначащем, бессмысленном. Метафора слепоты как изъяна, недостатка все чаще замещается метафорой зачарованности бессмыслицей, пустотой, игрой видимостей. Сила и власть соблазна отстраиваются притягательностью пустоты как тайны. Тайна — это не загадка, которая может быть разгадана, не вопрос, на который можно получить ответ. Тайна — это нечто принципиально непознаваемое, пульсация присутствия-отсутствия. Вся суть тайны — в переживании ее присутствия и ощущении призрачности этого присутствия, так как оно не имеет ни формы, ни содержания. Мерцание тайны заряжает и заражает человека, наделяя его переживанием своего присутствия в мире: я должен ответить на этот вызов. При этом речь не идет о проблеме идентичности — не важно кто я, но я соблазнен и должен ответить. Бодрийяром постоянно акцентируется дуально-дуальный характер соблазна: вызов, брошенный мне и принятый мною, связывает, объединяет нас так, что невозможным становится существование обособленных полюсов — только дуальный пакт. Любые попытки зафиксировать, отделить, а тем более сделать привилегированной какую-либо из позиций (доминирование фигуры соблазнителя, например, в психоанализе) свидетельствуют о выходе из игры соблазна. В этой игре происходит

замена смысла как цели, находящейся за границами соблазна, присваивающей и подчиняющей его себе (христианская и психоаналитическая модели) самим процессом, наслаждением им. Однако это наслаждение амбивалентно: оно включает как позитивное удовольствие (приятность), так и неудовольствие, страдание, ставка на тайну, бессмыслицу рискованна, результат негарантирован, эта игра требует жертв и способна испепелить, увлечь в пустоту.

Современного человека пугают сильные страсти, полная самоотдача и перспектива окончательного соскальзывания в ничто. Поэтому «горячий» (Бодрийяр), жертвенный соблазн подменяется (вытесняется) симулякром — «холодным» соблазном. Холодный соблазн — это попытка вступить в игру, но не поддаться ей: соблазнить, но не быть соблазняемым, минимизировать риск вызовов и ставок, оговорить, зафиксировать и главное ограничить пространство и правила самой игры. Эта внутренняя возможность соскальзывания соблазна в симулякр оценивается как его слабость (или все же слабость человека?).

К тому же дискурс удовольствия, поддерживающий игру обольщения, оказывается внутренне противоречив. С одной стороны, человек сегодня «сформирован как искатель и коллекционер чувственного опыта» [5, 290], он «считает своим долгом испытывать удовольствие» [6, 196]. Само общество — общество соблазна и потребления предъявляет ему требование наслаждаться. Но это же общество запрещает рассматривать другого как объект. К этому запрету присоединяется и страх самому быть объектом для другого. Проблема заключается в том, что в структуре соблазна, как было показано ранее, позиции субъекта и объекта обратимы: игра обольщения невозможна без перехода от одной позиции к другой. Таким образом «противоречащие друг другу культурные послышки в неявной форме подрывают то, что в явном виде восхваляют и поощряют» [5, 299]. Страх подвергнуться сексуальным домогательствам или, наоборот, обвинению в домогательстве идеологический диктат политкорректности блокирует соблазн, происходит «быстрое истощение человеческих отношений» [5, 297], угасание желания вступать в игру.

Противоречивость культурных требований отягощает и отношения соблазна с властью. Соблазн экспроприруется властью (не только государственно-административной, но и масс-медиа, экономической) — стратегии обольщения заменяют сегодня надсмотр и принуждение, создают механизмы кооптации/исключения в/из социальной общности, направляют потребление. И в этих играх, как и везде, человек не может не поддаться очарованию, он рискует и наслаждается. С другой стороны, дискурс эмансипации, по-прежнему актуальный, предписывает человеку быть автономным, свободным, самоопределяющимся существом. И, следовательно, эти «властные» игры рассматриваются как манипуляции, нарушение автономии. В данном случае приходят в противоречие модели соблазна как цели и как средства.

Современное искусство принимает соблазн как безусловную ценность и активно использует стратегии обольщения: текст, соблазняя реципиента, втягивает его в свою игру. Направленность произведений постмодернизма на успешную коммуникацию требует от автора-постмодерниста умения создавать свой контекст: привлекать и удерживать внимание аудитории, но при этом не поддаться под уже существующие стереотипы восприятия. Он не должен ориентироваться на непритязательные вкусы публики (как в массовом искусстве), но и не должен агрессивно навязывать свою Истину (как в элитарном, модернистском искусстве). Произведение постмодернизма должно «каким-то образом оказаться над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с «содержанизмом», чистого искусства с ангажированным, прозы элитарной с массовой» [7, 658], что и позволяет сделать игра соблазна.

В искусстве модернизма с его установками на новизну и открытие истинного Бытия, с его пафосом преобразования внутреннего состояния реципиента и мира признаками недоброкачества произведения выступали его успех у публики (как свидетельство того, что произведение «баюкает», усыпляет соз-

вание аудитории, льстит ее самолюбию, подкрепляет устоявшийся status quo вместо того, чтобы разрушать стереотипы сознания, обжигать душу человека) и развлекательность (искусство — высокое служение, священная жертва и, следовательно, занятие чрезвычайно серьезное). Художник-модернист желает нанести «социальное оскорбление культурным институтам через произведение нарочито неприемлемое. Он стремится к тому, чтобы общество в своей совокупности признало его предложение как оскорбительный способ восприятия культурных, художественных и литературных институтов» [8, 289]. Однако за годы существования модернизма неприемлемость сообщения вошла в энциклопедические ожидания реципиента и стала кодифицироваться как приятность: установка на абсолютную оригинальность и новизну не только невозможна, но и повторяет, копирует уже-бывший жест, выступая как художественный анахронизм. Искусство постмодерна не отказывается (да и может ли искусство отказаться?) от идеи «преображения» аудитории, влияния на душу человека. Оно меняет представление о целях и механизмах этого влияния: «добраться до широкой публики и заполнить ее сны — в этом и состоит авангардизм по-сегодняшнему... Но владеть снами вовсе не означает убаюкивать людей. Может быть наоборот: насыпать наваждение» [7, 658, 659]. Диктату, дидактике человек еще может сопротивляться, но гораздо труднее противостоять соблазну, отказаться от предложения развлечься.

Таким образом, можно утверждать, что в современной культуре понятие «соблазн» претерпело значительную трансформацию. Изменилось представление о его структуре, которая не рассматривается более как жестко фиксированное противостояние соблазнителя и жертвы, а, скорее, как дуально-дуэльный пакт с обратимыми позициями. Главной целью игр соблазна становится сама игра и вызванная ею интенсификация чувственных отношений, противодействующих тотальной дереализации мира. Происходит переход от негативной оценки обольщения как отклонения от истины и ослепленности желанием к признанию положительной ценности очарованностью игрой, видимостью, тайной. И хотя функционирование соблазна в некоторых областях оказывается проблематичным, внутренне противоречивым, альтернативы ему пока, нет.

Литература

1. *Киркегор, С.* Дневник соблазнителя / С. Киркегор // Наслаждение и долг. — Киев: Air Land, 1994.
2. *Kristeva, J.* Tales of Love / J. Kristeva. — N.Y.: Columbia University Press, 1987.
3. *Гольинко-Вольфсон, Д.* Эссе о соблазне / Д. Гольинко-Вольфсон // Интерпретация в культуре: сб. ст. — СПб.: РИИИ, 1999.
4. *Бодрийяр, Ж.* Соблазн / Ж. Бодрийяр. — М.: Ad Marginem, 2000.
5. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М.: Логос, 2002.
6. *Козлова, Н.Н.* Социально-историческая антропология / Н.Н. Козлова. — М.: Ключ-С, 1998.
7. *Эко, У.* Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Имя розы. — СПб.: Симпозиум, 2000.
8. *Эко, У.* Потребление, поиск и образцовый читатель / У. Эко // Homo legens = человек читающий. — М.: Прогресс, 1989.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
 □□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.